

Виктор Балдоржиев

Августовская проза

Рассказы и очерки. 2018 г.

12+

Виктор Балдоржиев

Августовская проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36978750

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-11787-7

Аннотация

О каких-то расовых или национальных проблемах я никогда не знал и даже не чувствовал их. Бытовое невежество, приводящее к ссорам и дракам, можно вообще не считать национальной враждой. Среда у нас была одна – Союз Советских Социалистических Республик, где все, кто был знаком со мной, считали меня русскоязычным поэтом и прозаиком. Стихи и рассказы я писал с младших классов. Теперь настало время и появились возможности выпускать книгу каждый месяц. Пожалуйста – Августовская проза.

Содержание

Августовская проза	4
Рассказы	4
Встреча	4
Повстанцы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Августовская проза

Рассказы

О каких-то расовых или национальных проблемах я никогда не знал и даже не чувствовал их. Бытовое невежество, приводящее к ссорам и дракам, можно вообще не считать национальной враждой. Среда у нас была одна – Союз Советских Социалистических Республик, где все, кто был знаком со мной, считали меня русскоязычным поэтом и прозаиком.

Стихи и рассказы я писал с младших классов.

Теперь настало время и появились возможности выпускать книгу каждый месяц. Пожалуйста – Августовская проза.

Встреча

- Вот был бы сейчас Илюха!
- Когда Илюха работал, то полдеревни не могло разогнуться, пока он не соизволит выпрямиться.
- Мироед твой Илюха!
- Тебя что ли объел?
- Да он всех объел!

– Так ты же не работал у Илюхи, и я не работал, и Коляха, и Ванька не работали. Да тут весь обоз не работал у него.

Осень отпыхала золотом и багрянцем, реки ещё не сковало льдом. Чувствуется – вот-вот ударят морозы. Самое время сдачи наработанного крестьянством государству, то есть Родине. Государство ли Родина? Никто не спросил и никто не ответил на этот вопрос.

Обоз идёт от самого Нерчинского Завода, что недалеко от китайской границы, до самого Сретенска.

Мужики в обозе почти из всех уездных деревень, которые разбросаны вдоль извилистых берегов Аргуни, дальше начинается Китай. На той стороне деревень мало, они чуть дальше, в глубине, за сопками. Совсем недавно русские и пахали, и сеяли на китайской стороне. Не возбранялось. Видимо, была договорённость между государствами. А теперь – глухо, граница закрыта. Иногда слышны с той стороны русские песни и переливы гармошки. Это веселятся и тоскуют беляки, как сейчас называют справных казаков и мужиков на этой стороне, где обитают только – красные или голытьба, добившиеся своего и собирающаяся в артели и колхозы. Население – сплошь русское с редкой примесью обрусевших китайцев, бурят, ороchon.

Казачье сословие упразднено, теперь все – колхозники.

Вот снова собрали по заданию уездного комитета партии на сдачу обоз зерна. Кто-то из местных художников плакат сварганил – по красной материи разведенным белым зубным

порошком: «Хлеб Аргуни – Родине!». Где находится эта самая Родина и почему ей надо сдавать последнее? Почему Родина не на Аргуни? Никто не знает об этом...

Илюха – это Илья Ермолаевич Коноплёв, низкорослый, крепко сбитый, но согнутый работой, немного брацковатый, то есть скуластый, с примесью бурятской крови, казак из Булдуруя, который уходит своими избами чуть ли не на острова Аргуни.

Коноплёв считался самым зажиточным казаком посёлка, где и фамилий-то набиралось от пяти до шести, если не считать редких и залётных. Такими могли быть учитель, священник, приютившийся приискатель. Но их – единицы, а большая часть казачьего посёлка – Коноплёвы, Дементьевы, Балябины, Макаровы, Кмитовы, Голятины, породнившиеся чуть ли не со всеми аргунскими фамилиями.

Коноплёвых в Булдуруе всегда больше остальных. Естественно, все они родственники или считаются родственниками. Самый большой дом, двухэтажный амбар, сенокосилки, грабли, плуги, жнейки – все от фирмы McCORMICK – принадлежат Коноплёву. Так и поля Ильи Ермолаевича немеренные – от сопки до сопки, а животину он и не считает. Осенью загонят пастухи овец в котловину и обсуждают с Коноплёвым примерную, на глазок, численность, которую вычисляют по давним валунам вдоль кромки котловины. Год на год не приходится, бывают жуткие зимы: тысячами скотина дохнет, а бывает и прибавляется десятками тысяч. И урожай-

ность на полях такая же.

Сам Коноплёв вечно в заботах и расчётах, всегда угрюмый и недовольный всеми и всем.

– Вот был бы сейчас Илюха, он бы непременно взял в дорогу несколько баран. На каждом привале резали бы. А то уже вторые сутки на пустой желудок трясёмся, – начинает во время чаепития с чёрными сухарями пожилой и щедушный мужик.

– А кто на него написал?

– Так свои и написали?

– Из Коноплёвых?

– И Коноплёвы голосовали. Ты что, на собрании не был?

– Да все голосовали.

В обозе половина мужиков из Булдуруя. Вот и вспоминают Коноплёва. Каждому из них пришлось соприкоснуться с Ильей Ермолаевичем в той, ещё нормальной, жизни, когда не делились на красных и белых.

Несмотря на свою угрюмость и вечное недовольство, Коноплёв слыл на удивление щедрым человеком. Все знали, что прокорм любого живого существа он считал делом обыкновенным и природным. Грехом же считал лень человеческую. Не понимал человека, бегущего при всякой возможности от работы.

Весь обоз – сорок подвод – собран из бывшего хозяйства Коноплёва. И телеги его, и упряжь, и кони. Главное дело – урожай тоже собран с полей Илюхи.

Разговоры эти происходят во время редких остановок, привалов или ночёвок. Из Нерчинского Завода до Сретенска – триста вёрст. Большое расстояние для гружённого хлебом обоза с трепыхающимся на ветру плакатом, от которого поначалу шарахались лошади. Потом старший обоза Николай Коноплёв, бедняк из бедняков, шумнул:

– Спрячьте, мужики, на время эту тряпку. К Сретенску будем подходить, тогда и покажем.

В гражданскую неразбериху аргунские мужики воевали и за белых, и за красных. Отчётливо сказать о ком-нибудь, что он весь белый или красный трудно. Таких вояк можно по пальцам пересчитать. Сам Илюха Коноплёв служил у белых только по призыву, а через три месяца как-то незаметно оказался на своей заимке, на той стороне Аргуни. Говорили, что подкупил кого-то в белом войске. И отсиделся за границей, и хозяйство своё там же увеличил.

А когда жизнь немного успокоилась, перегнал табуны и гурты, стада и отары на свою сторону. И снова полдеревни сгибалась и разгибалась вместе с Ильёй Ермолаевичем, хотя сам он никого и никогда не неволил, ведь у него было шестеро сыновей и две дочери, которые работали с утра до ночи. А народ просто приноравливался к режиму Коноплёва. Так и повелось...

Снова взбаламутилась жизнь, когда начали приезжать из городов всякие комиссары и уполномоченные, организовывавшие артели и колхозы. Раньше делились на беляков и

красных, то есть – на плохих и хороших. Многих перестреляли, изрубили, кого-то отправили в лагерь, кто-то ушёл за границу. Теперь людей делили на кулаков и бедноту, и снова получались плохие и хорошие. Появились комбеды – комитеты бедноты. После этого организовали какой-то ТОЗ, ставший артелью, который через год объявился колхозом имени Климента Ворошилова.

Илья Ермолаевич Коноплёв никаким образом не мог попасть ни в ТОЗ, ни в артель, ни в колхоз, хотя он и давал какие-то советы новым хозяевам, но его уже никто не слушал. Естественно, что он попал в число злейших кулаков, то есть – в список плохих людей, хотя и не воевал против советской власти, а земляки подтвердили, что он бежал из армии атамана Семёнова. Но за границу, как многие его земляки, Коноплёв со своим добром не ушёл.

Несколько раз новые власти пытались измерить поля и скотину, узнать число наёмных батраков Коноплёва. Но всегда получалось, что в хозяйстве работают сам Коноплёв, его жена, шестеро сыновей, две дочери, иногда им помогают братья и племянники Коноплёва. И весь посёлок доподлинно знал, что это именно так.

Июньским днём, как раз после посевной, нагрянули в посёлок комиссары в кожаных тужурках и уполномоченные в длинных шинелях, все в островерхих будёновках. Целый день считали и писали бумаги вместе с комбедом, а вечером устроили сход. И постановили всем сходом – реквизировать

в пользу бедноты и колхоза имени Ворошилова имущество пятерых земляков, главным из которых числился Илья Коноплёв. Следующим пунктом постановления схода было – выселение этих пятерых земляков, вошедших в число плохих людей. И тут большинство, то есть правильные и хорошие люди, согласилось с уполномоченными и комбедом.

Выселяли семьи на их же подводах в сопровождении красноармейцев, которым почему-то было приказано примкнуть к винтовкам штыки.

– Никто на Илюху не гнул спину, а за выселение проголосовали все, – заметил во время ночёвки Иван Голятин, устраваясь возле своей подводы на потнике. – Угрюмый был мужик, как ночь, но и работал, как сумасшедший.

Подводы, как и привыкли, обозники поставили вкруг, в центре полыхал огромный костёр. Застреноженных коней пасли по очереди. Мелькают тени и слышатся голоса. Ночь звёздная и лунная, до самого горизонта видны нескончаемые сопки и горы, покрытые тайгой.

– Далеко сейчас Илюха, в тайге, поди! Спокойней без него стало в деревне, – ответил кто-то из темноты, от другой телеги.

– Да ты и без Илюхи лодырничал, – рассмеялся Иван Голятин.

Рано утром обоз снова заскрипел всеми втулками, зазвенел упряжью и двинулся в путь...

В Сретенске, на площади у станции, где грузили хлеб в

красно-коричневые вагоны, сгрудились в очередь и почти смешались подводы нескольких обозов, а это более сотни телег. Над площадью стоял морозный пар от дыхания множества коней и людей, который клубился и смешивался с паровозным дымом. Сливались запахи железа и угля, хлеба и упряжи.

Сразу за площадью начинались красивые каменные дома, говорили, что половина из них принадлежит евреям. Из дверей некоторых домов несло аппетитными запахами кухни, иногда оттуда вываливались пьяные армяки и полушубки, подпоясанные кушаками. Там были трактиры.

Аргунцы поначалу растерялись и оробели, но попривыкнув, разобрались с очередью и покорно ждали погрузки, поглядывая в сторону трактиров.

Неожиданно они разом услышали голос Ивана Голятина: – Мужики, гляди! Никак Илюха Коноплёв!

Илья Ермолаевич Коноплёв, как и в былые годы, в овчинном полушубке, монгольском малахае и унтах, шёл вдоль обоза, проверял упряжь, телеги, лошадей. Осматривал лошадь с бабок до ушей, заметив потёртость на груди или туго затянутый чересседельник, недовольно качал головой, поправляя. Вид у него был озабоченный и удручённый.

Аргунцы обомлели. Они же выселили Коноплёва летом, а сейчас поздняя осень. И вот он, собственной персоной, осматривает своих коней и телеги.

– Колька! – Крикнул он громко Николаю Коноплёву, ко-

торый приходился ему троюродным братом. – Поставь у телег троих помоложе, а остальных – в трактир. Приглашаю.

– Ты это... как... Как ты оказался здесь? – заикаясь, спросил кто-то из мужиков, когда обозники заняли все лавки и столы ближнего трактира.

Все чувствовали себя скованно и неловко. Стыдились что ли?

– Ты ли это... Илюха?

– Говорили же... у Енисея...

– Илюха, здорово, братан.

– Садись, садись, земляки. Всех угощаю. – Коноплёв суетился, как и в былые годы, когда собирались вместе все его сыновья, работники, пастухи, а то и просто земляки. Вечно недовольное лицо Илюхи теперь было приветливым и добродушным как никогда до этого случая.

– Разбогател что ли на Енисее-то?

– Ладно, слушайте. – Прервал гомон весёлым голосом Коноплёв. – Привезли нас в леспромхоз под Красноярском. Много народа. Леспромхоз – пустое место в тайге, несколько бараков, избы, склады, ничем не огорожено. Но вохры много. Люди жалуются: голодно, холодно. Лес валим. Конечно, никому нелегко. Но ничего, жить можно и работать надо. Ничего! Ведь я дома вчистую уработался и семью свою уработал! А на поселении через месяц и вовсе моей семье послабление вышло: построил всех мужиков начальник, чернявый, видимо, еврей, и приказывает выйти из строя всем кто

имел больше тысячи голов скота. А у меня только записано – десять тысяч, а сколько раздал и не помню. Да вы и сами знаете. Умный оказался начальник: посчитал у всех пашни, скотину и говорит, перед строем говорит: «У дураков таких хозяйств быть не может!». Больше всех было записано у меня, так у нас и земли тут немерено. В общем, назначили меня завхозом. Поселили всю семью в отдельном от всех доме, мебель дали, постель... Знаете, что, мужики, я там, может быть, в первый раз почувствовал, что такое жить по-человечески.

– Вот это да! – Крикнул кто-то из земляков, уже опьяневший от еды и густых, парных, запахов трактира.

– Конечно, повезло! – Рассмеялся Коноплёв. – Понял я, что замучил работой на скотину всю свою семью, жену, сыновей, дочерей. Себя замучил! Мои, может быть, впервые за всю жизнь отдыхают. А недавно начальник вызывает меня и приказывает отправляться на закупку хлеба и картофеля для какого-то лагеря. Где в это время сдача? У нас. Вот я и отправился в Сретенск.

– И не жалко тебе, Илюха, добра своего?

– Ни на сколочко! – Воскликнул помолодевший лицом и повеселевший взглядом Коноплев. – Баба иногда вспомнит Пеструху-ведерницу, да взгрустнёт, ведь по ведру молока с каждого удоя давала корова. Молодость жалко, годы прошедшие жаль...

– А на нас не обижаешься?

– Ни на сколечко! Только жалко мне вас, земляки. Себя жалко и вас...

4 августа 2018 года.

Повстанцы

Сейчас же на дворе 1990 год? Тебе сколько лет, журналист? Тридцать шесть? Молодой совсем. А мне девяносто. Всегда пишут: ровесник века, один из первых командиров ЧОН Василий Иванович Макаров.

В президиумах устал сидеть. Одно и то же рассказывать устал...

Крестьянские восстания 1930-х говоришь? Были восстания. Шестьдесят лет прошло, а помню каждую мелочь. Ты не думай, что старость – это большой ум. Хорошо, если память осталась, а у меня она ещё есть.

Что меня мучает? Мучает? Погоди, погоди, парень... Многое мучает...

Ничего же не понимали тогда, да и сейчас мало что понимаем. Почему после 1917 года брат на брата пошёл или сосед соседа стал душить? Конечно, наши люди во все времена недолюбливали друг друга, особенно, когда один мужик умней и проворней другого. А если кто-нибудь из своих разбогател – тот вообще пожизненный враг. Подлец в глазах на-

рода. А почему? Кто ответит? Но чтобы вот так, в открытую убивать друг друга, как в гражданскую... Боже мой! Что меня мучает?

Стравили, конечно, нас, после большой войны, как собак. На неразумности нашей вековой сыграли. Нечеловеческой подлостью надо обладать, чтобы вот так людей стравить. А после такого, как не быть восстаниям? Повсюду народ восставал. Не хотел нового. Тебе этого не понять, парень.

В гражданской все участвовали. А как её минуешь? Потом те, кто побогаче и побойчей в Китай ушли через Аргунь, остались здесь мы – одни бедняки и голодранцы, лодыри и разбойники. Добились своей правды. Но казачества не стало. Упразднили сословие. Ведь мы всем миром и всю жизнь границу охраняли, с китайцами свободно общались и дружили. А тут отодвинули: не ваше дело, говорят, другие войска есть для этого, ГПУ называется. Закрыли границу наглухо. Теперь мы отсюда поглядываем туда, за реку, где на своих старых заимках наши зажиточные казаки поселились, новые деревни построили. И опять лучше нас, голытьбы, живут.

Но и среди нас стали расти зажиточные. Они всегда будут появляться, такова жизнь, одинаковых поросят не бывает...

Когда начали артели и колхозы организовывать, половина народа взбунтовалась. В каждой избе винтовка да шашка. Сколько мужиков столько винтовок и шашек, у некоторых – пулемёты. Максим Беломестнов, тот кругом вооружился: все знали, что у него под старым зародом орудие стоит на-

готовые. Были красными – стали повстанцами, в тайгу снова отправились, там ещё много землянок сохранилось.

Меня командиром ЧОН после гражданской назначили. Что это такое? Части особого назначения, а на самом деле – ничего особого. Витька Потехин, Колька Зубарев, четыре брата Вершининых, Фрол Каргин со старшим сыном. С Нижней и Верхней улиц ребята и я, Васька Макаров. Все наши, Марьинские. Марьино – так называлась наша деревня. Говорят, что Марья какая-то с двумя сыновьями тут в старину поселилась. Вдова или от мужа-живодёра сбежала. Сошлась здесь с каким-то тунгусом и дала поросль беспокойной нашей братве.

Многие в начале 1930-х годов бунтовали. Резали скот, уходили за границу, в тайгу. Каждый на свою задницу приключение искал. И находил ведь! Вот и некоторые из наших, марьинских, мужиков не пожелали обобществлять своё добро. Тоже ушли в тайгу. Соху туда не потащишь, только винтовку. Листовки крамольные гуляли по уезду.

Кино «Операция «Трест» видел? Кажется, далеко от нас, но оттуда к нам ниточка тянется. Сидней Рейли нам ни к чему. Его бы тут сразу раскусили. Фактура не та! Не наш человек. А вот Тойво Вякя, который на всю жизнь от имени и национальности отказался и даже на свои похороны согласился, был для нас Иваном Михайловичем Петровым. Наш человек. Думаю, что даже жена не знала настоящего имени своего мужа, а мы, простодыры, и подавно не могли знать. Это

сейчас что-то вроде правды в книгах написали. А тогда...

Так вот: Иван Михайлович служил в комендатуре нашего отряда. Большой участок на границе охранял пограничный отряд.

Вызывает меня в апреле 1931 Петров в штаб и говорит.

– Вашему бывшему отряду, товарищ Макаров, поручено разоружить и доставить в комендатуру повстанцев из Марьино. По агентурным сведениям они находятся недалеко от горы Убиенная, база их в старых землянках за Уровом. Командир ты, Василий Иванович, боевой, справишься.

И обстоятельно показывает на карте расположение наших повстанцев. Точно измерил расстояние и маршрут передвижения моих чоновцев. Значит, знающий осведомитель донёс. Сам Петров – молодой и обаятельный русский человек. Весь ремнями перекрещенный, как в старые времена. Только без погон. Внушал доверие. И сам, наверное, верил тому, что говорил. Разведчик! Такого не боятся, но уважают. Боятся прокажённых, запомни, журналист...

Неразумные, сказал Петров, элементы, поддались на провокации беляков, что за границей, напротив наших станиц и посёлков обосновались. Знал Петров обстановку. А по нашим посёлкам и станицам слухи разные гуляют: ОГПУ под целую повстанческую армию копает, Рокоссовский снова в Сретенске, опять большая междоусобная война затевается. Где граница, там все на прицеле. Куда деваться? Надо идти. Ловить своих мужиков. Мы же местный народ, нам карты

без надобностей, расстояния известны.

Из моих только Фрол Каргин не подчинился. Не пойду, говорит, против своих воевать, навоевался, сына младшего в гражданскую потерял. Пожилой уже был мужик. А старший его сын, Федька, не слушал отца, моему приказу подчинился. В общем, собралось нас пятнадцать человек. Обсудили положение, повстанцев посчитали: вышло, что их должно быть не меньше двадцати вояк. Почти все нам родственниками приходится. Не будем же стреляться. Уговорим, наверное.

Помню, середина апреля была. Реки только шевельнулись, лёд весь в ноздрах. Сырая погодка, грязь весенняя. И дымом отовсюду несёт. Поди, улови: кто и где костерок развёл?

Оружия тогда у народа много было, а вот с едой плоховато. Оголодали, думаем, наши повстанцы. Без хлеба русскому человеку туго. Должны сдать. Идём вдоль берега Урова, посмеиваемся, переговариваемся. Заросли повсюду буйные. Верба, черёмуха, ивняки, осинники и березняки попадают. Народа там раньше густо жило, скота дивно держали. Всяким делом занимались. В Мороне глину месили, охру делали, в Алашири – лес готовили, хлеб растили, Джохтанка была богатой деревней. Везде был свой промысел, всюду жили трудяги. Политика всех смутила и согнала с мест.

Природа у нас дивная – Аргунь, Уров, Камара, Быстрая, Суровая, ещё с десятков речек, озёр много. Птица гомонит.

Дичь везде. Горы, долины, синеющая вдаль тайга, как развёрнутые меха гармони. Живи и радуйся!

Значит, идём неспешно берегом, слышу, вороны закаркали. С чего бы?

– Васька! – Шепчет мне сзади долговязый Ганька Вершинин. – Никак на той стороне люди в кустах или блазнятся мне.

И тут ка-аак бабахнет над нашими головами залп, мужики за мной все попадали в грязь, я стою и озираюсь. А с того берега кричат:

– Ложись, Васька, командир хренов!

Ладно, лёг я в грязюку, передёрнул затвор своей мосинки.

– Кажись, братан мой, – шепчет, подползая, Колька Зубарев. И ругается шёпотом матерно, шинельку свою он в луже вымочил. А я зубоскалю: хорошо, что в штаны не намочил.

Снова с того берега кричат:

– Чего в грязи валяться? Сдавайтесь по-доброму, перестреляем же...

Что делать? Сдались мы. Уров в том месте медленный и мелкий, лёд крошен, камней много. Перебрались по ним под дулами винтовок земляков на тот берег. Окружили нас сразу. Огляделись мы. Все наши, марьинские. Двадцать два человека. Злые и решительные, хоть и родственники нам все. Вливайтесь, говорят, к нам, иначе тут же и порешим.

Теперь и мы стали повстанцами.

Отряд находился недалеко от Гагаркино, была такая де-

ревня. Места скрытные, не сразу найдёшь, а пока доберёшься, наделаешь столько шума, что вся живность за несколько вёрст услышит. Толя Зубарев старый партизан, знает как, где скрываться и какая ворона за сколько вёрст прокаркает о чужаках.

Мы боялись, что воевать придётся, но вышло так, что ничего не делаем, охотимся иногда, да травим себя разговорами о жизни, политике, колхозах. Зубарев приказа какого-то ждёт. От кого и когда не говорит. Человек должен условный сигнал подать. Но человека нет, приказа нет, и, как я начинаю догадываться, видимо, не будет. Вороны в округе не каркают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.